

— Это касается ста кланов заклинателей и спокойствия всех живых под небом, так что твоя ошибка в суждении простительна. Тебе не нужно извиняться передо мной. Когда придет глава семьи Шэн, просто извинись перед ним. Раз ты привел гостей, не стоит их задерживать. Ночь уже глубока, и я пойду.

Чжун Сюнь похлопал его по плечу, кивнул человеку позади него в знак приветствия и повел учеников по тропинке из красного камня в сторону, ведущей за искусственную гору.

Мин Цяо стоял на месте, долго смотря вслед его удаляющейся фигуре, тихо вздохнул, но вскоре снова обрел легкую улыбку и повел Сы Хуая и У Няня в другом направлении.

Резиденция Ляньюнь выделила несколько дворов для размещения и питания гостей из различных кланов и школ. Сы Хуай и У Нянь были размещены в двух комнатах Двора Осеннего Ветра, расположенных напротив друг друга через внутренний двор.

В остальных комнатах Двора Осеннего Ветра уже жили люди, и в глухую ночь было неудобно стучать в двери, чтобы поменять комнату. Сы Хуай, стоя у двери, наблюдал за погасшим светом напротив, закрыл дверь и направился к кровати, собираясь лечь, не снимая одежды.

Только он начал развязывать пояс, как снаружи раздался негромкий стук в дверь. Через лунный свет на двери появилась стройная тень, но это был не монах.

Сы Хуай равнодушно взглянул, решив, что какой-то культиватор ошибся дверью, и продолжил снимать рукав верхней одежды, как вдруг снаружи раздался тихий голос:

— Господин Сы, вы уже легли?

Голос звучал так, будто его владелец боялся разбудить соседей, и показался знакомым. Видимо, это был кто-то из знакомых.

Сы Хуай с неохотой снова накинул верхнюю одежду, кое-как поправил воротник и открыл дверь, но, увидев, что на пороге стоит Дунъян Янь, выразил удивление.

С той ночи, когда Шэн Ланьчу прогнала Дунъян Яня, он больше его не видел. В их редких встречах они почти не разговаривали, и у Сы Хуая сложилось впечатление о нем как о молчаливом, высокомерном и холодном человеке, чьи слова часто были резкими. Он не ожидал встретить его в Резиденции Ляньюнь, да еще и в такой поздний час.

— Господин Дунъян, что-то случилось?

Дунъян Янь, услышав вопрос, заколебался, некоторое время мялся, прежде чем наконец произнес:

— Я слышал от учеников семьи Мин, что сегодня вечером прибыли двое гостей — два монаха и красивый молодой человек. Я предположил, что это вы... Я пришел, чтобы спросить... Как поживает семья Шэн?

— Я не из семьи Шэн, откуда мне знать, как они поживают? — Сы Хуай с усмешкой ответил, видя, как лицо Дунъян Яня посерело. Затем он с удовольствием повернулся в комнату, зажег свет и начал наливать чай. — Но когда мы уезжали из семьи Шэн, Шэн Ланьчу выглядела хорошо. Она сама приготовила несколько коробок с пирожными, чтобы мы взяли их с собой.

Сы Хуай взглянул на человека у двери, лицо которого потемнело, и подвинул чашку с чаем.

— Не хотите войти?

Дунъян Янь, кажется, хотел продолжить разговор о пирожных, но, подумав, решил промолчать. Он медленно вошел в комнату и сел напротив Сы Хуая, словно деревянный, выпил чай, даже не заметив, что он холодный.

— Если ты хочешь ее увидеть, просто поезжай на Равнину Саньму. Этот огромный остров на озере никуда не денется, или ты боишься?

— Я... — Дунъян Янь широко раскрыл глаза, затем, поникнув, отвернулся и тихо сказал. — Она сказала, что не хочет меня видеть.

— Когда она это сказала? Она просто сказала, что ты ей не понравился, и велела тебе убираться с Равнины Саньму тем же путем, каким пришел.

Дунъян Янь вдруг вспомнил, что в ту ночь, когда он искал Шэн Ланьчу, Сы Хуай тоже был рядом. Его лицо попеременно краснело и бледнело, и только через некоторое время он смог выдать несколько слов:

— Это одно и то же...

— Как это может быть одно и то же? У тебя голова из дерева? — Сы Хуай с досадой и улыбкой постучал пальцами по столу, затем сменил выражение на серьезное и спросил. — Ты ее любишь?

— Я... я... — Дунъян Янь вдруг стал похож на петуха, который не может крикнуть, беспомощно вертясь на месте.

Сы Хуай снова спросил:

— А ты ее ненавидишь?

Дунъян Янь отвернулся, долго размышлял, но так и не нашел точного ответа, и наконец произнес:

— Она своенравная и властная, в ней нет ни капли женской нежности, она совсем не похожа на мягких девушек из Юйчжоу. Она целыми днями тренируется с мечом, командует учениками, и говорит громче, чем другие девушки.

— Тогда почему ты не найдешь девушку из Юйчжоу? Семья Шэн расторгла помолвку, и ты, господин Дунъян, можешь выбрать себе мягкую жену в Юйчжоу. Зачем тебе интересоваться, как поживает Шэн Ланьчу?

— Потому что... она другая. — Дунъян Янь встретился с его взглядом и тихо произнес эти слова.

Сы Хуай, получив ожидаемый ответ, удовлетворенно кивнул и продолжил:

— Семья Дунъян раньше была связана с семьей Шэн помолвкой. Ты должен знать лучше меня, почему она другая?

Дунъян Янь не кивнул и не покачал головой, просто молча согласился.

Мать Шэн Ланьчу умерла рано, глава семьи Шэн больше не женился, и на Равнине Саньму,

кроме нескольких служанок и старух, в основном были ученики-мужчины. Шэн Ланьчу с детства росла среди мужчин, поэтому не могла научиться женской нежности.

Кроме того, Шэн Цзиньчэн был слаб и не мог практиковать, так что весь огромный дом Шэн в будущем ляжет на плечи Шэн Ланьчу. Если бы она была изнеженной, ее бы быстро подавили сто кланов заклинателей.

Поэтому помолвка с семьей Дунъян была для нее запасным выходом.

— Семья Шэн не станет частью семьи Дунъян, даже если она выйдет за меня замуж. Это было причиной, почему наши переговоры затянулись. Но теперь это неважно, ведь она меня все равно не хочет... — Дунъян Янь отодвинул чашку, встал и с горькой улыбкой сказал. — Даже если она приедет в Резиденцию Ляньюнь, она точно не захочет меня видеть. Я хочу попросить вас передать ей, что я поехал на Равнину Саньму... чтобы помочь ей.

— Это ты должен сказать ей сам. — Сы Хуай, подперев щеку рукой, остановил человека у двери. — Она сказала расторгнуть помолвку, и ты согласился. Или ты на самом деле не очень-то ее любишь?

— Я...

— После ссоры с тобой она одна убежала к озеру и бросала в воду золотые яйца, чтобы выпустить гнев. Когда ты уезжал, она сама приготовила пирожные, чтобы ты взял их с собой. Ты не понимаешь, почему?

Дунъян Янь повернулся и смотрел на него, несколько раз повторив «я», но так и не смог вымолвить ни слова. Он был совсем не похож на того, кто холодно и резко разговаривал с Шэн Ланьчу.

Не сумев ничего сказать, Дунъян Янь с досадой ушел, неясно, понял ли он что-нибудь. Дверь закрылась неплотно, и ветер заставлял ее скрипеть. Сы Хуай встал, чтобы закрыть ее, взглянул напротив и тихо вздохнул.

Он не ожидал, что Дунъян Янь придет к нему, и, сам того не заметив, дал ему столько советов. Но в делах сердца он и сам ничего не мог добиться.

Он даже не знал, любит ли он Лин Цзюня из прошлой жизни или У Няня, который носит его тело в этой жизни.

Перерождение — это тоже часть совершенствования. Те, кто достиг высокого уровня, после перерождения сохраняют душу и изначальный дух прошлой жизни.

В У Няне слишком много сходства с Лин Цзюнем, даже их аура и изначальный дух одинаковы. Они — один и тот же человек.

Но они не совсем один и тот же человек. В памяти У Няня нет человека по имени Сы Хуай.

Сы Хуай лежал на кровати, глядя на потолочные балки, слушая, как ночной горный ветер шумит над крышей. Полночи он не мог уснуть и только под утро немного задремал, но был разбужен скрипом открывающейся двери.

Звук доносился из комнаты напротив. Сы Хуай насторожился, сел на кровати, схватил верхнюю одежду и собирался выйти, чтобы проверить, но, едва коснувшись ногами пола, почувствовал,

как вокруг распространяется леденящий холод, словно он стоит не на земле, а в аду, полном свирепых призраков и злых духов.

Заметила, что в моих произведениях второстепенные персонажи слишком незаметны. Им тоже нужны любовные линии!!

Шэн Ланьчу: Наконец-то вспомнили обо мне T_T

Насчет того, являются ли У Нянь и Лин Цзюнь одним и тем же человеком, пусть вы и Сы Хуай вместе мучаетесь, ха-ха-ха!

<http://bllate.org/book/16805/1545948>